

Пикник на льду

Автор:

Андрей Курков

Пикник на льду

Андрей Курков

Герой романа «Пикник на льду» журналист Виктор Золотарев получает необычное задание от крупной газеты: писать некрологи на видных влиятельных людей, хотя все они пока еще живы. Постепенно он понимает, что стал участником крупной игры теневых структур, выйти из которой живым оказывается почти нереальной задачей.

Произведение выходило ранее под названием «Смерть постороннего».

Андрей Курков

Пикник на льду

Семье Шарп с благодарностью посвящается

Глава 1

Сначала в метре от его ноги упал камень. Виктор оглянулся – двое мужиков с ухмылочкой смотрели на него. Один из них, стоявший у разобранной булыжниковой мостовой, нагнулся, взял в руки еще один булыжник и, словно играя в кегельбане, покато отправил камень в его сторону. Виктор сорвался с

места и быстрым шагом, едва отличимым от спортивной ходьбы, свернул за угол. «Главное – не бежать!» – твердил он себе. Остановился уже около дома. Глянул на висевшие уличные часы – девять вечера. Тихо и безлюдно. Зашел в парадное. Теперь уже было не страшно. Обычным людям просто скучно жить, развлечения для них теперь не по карману. Отсюда и булыжники катятся.

Вечер. Кухня. Темень. Просто отключили электричество, и свет погас. В темноте слышны неторопливые шаги пингвина Миши – он появился у Виктора год назад осенью, когда зоопарк раздавал голодных зверей всем, кто сможет их прокормить. Виктор взял себе королевского пингвина. За неделю до этого от него как раз ушла подруга. Ему было одиноко, но пингвин Миша принес с собой собственное одиночество, и теперь два одиночества просто дополняли друг друга, создавая больше впечатление взаимозависимости, чем дружбы.

Виктор отыскал свечку, зажег ее и поставил в майонезной баночке на стол. Поэтическая небрежность огонька заставила его найти в полумраке ручку и бумагу. Он сел за стол, лист бумаги между ним и свечой. Этот лист надо было чем-то заполнить. Был бы Виктор поэтом – побежала бы по белому листу рифмованная строка, но он не поэт. Он – литератор, застрявший между журналистикой и мелкой прозой. Самое удачное, что у него получается, – это короткие рассказы. Очень короткие. Такие короткие, что даже если за них будут платить – ему на это не прожить.

На улице прозвучал выстрел. Виктор дернулся, приник к окну, за которым ничего видно не было, потом вернулся к листу бумаги. Воображение уже придумало историю этого выстрела. История заняла один лист – не больше и не меньше. На последних трагических нотках свежего короткого рассказа снова появилось электричество. Вспыхнула лампа, свисавшая с потолка. Виктор задул свечу. Вытащил из морозильника мороженого минтая и положил в миску Миши.

Глава 2

Наутро, перепечатав свежий рассказик и попрощавшись с пингвином, Виктор пошел в новую толстую газету, щедро публиковавшую любые тексты – от кулинарных рецептов до обзора новинок постсоветской эстрады. Редактора газеты он знал неплохо – несколько раз они с ним на пару изрядно выпивали, и

редакционный шофер отвозил его потом домой.

Редактор встретил его улыбкой и похлопыванием по плечу. Попросил секретаршу сварить кофе и тут же профессионально пробежал взглядом принесенное творение.

– Нет, старик, – сказал наконец он. – Не обижайся. Не пойдет. Тут надо или крови побольше, или вообще о другом, о какой-нибудь странной любви. Пойми, газетный рассказ – это жанр сенсации.

Не дожидаясь кофе, Виктор раскланялся.

Недалеко находилась редакция газеты «Столичные вести». До ее редактора Виктору было не добраться, и он заглянул в отдел культуры.

– Вообще-то мы никакой литературы не печатаем, – дружелюбно сказал ему старичок завкультурой. – Но вы оставьте. Всякое бывает. Может, в какой-нибудь пятничный номер. Знаете, для равновесия. Если слишком много плохих новостей, читатели ищут чего-то нейтрального.

Отделавшись от посетителя своей визитной карточкой, старичок вернулся к заваленному бумагами столу. И только тогда Виктор понял, что его в общем-то и в комнату не пригласили. Весь разговор так в дверном проеме и состоялся.

Глава 3

Два дня спустя зазвонил телефон.

– Вас из «Столичной» беспокоят, – отчеканил звонкий женский голосок. – С вами будет говорить главный редактор.

Трубка перешла из рук в руки.

– Виктор Алексеевич? – спросил мужской голос.

– Да.

– Вы сегодня не могли бы к нам подъехать? Или заняты?

– Да нет, – ответил Виктор. – Не занят.

– Тогда я вышлю за вами машину. Синие «жигули». Только адрес скажите.

Виктор продиктовал свой адрес. Редактор, так и не представившись по имени-отчеству, попрощался. Сказал: «До скорого».

«Неужто из-за рассказа? – думал Виктор, выбирая в шкафу рубашку. – Нет, вряд ли из-за рассказа... Что им рассказ? Хотя, черт его знает!»

В синих «жигулях», стоявших у парадного, сидел очень вежливый шофер. Он же проводил Виктора к редактору.

– Игорь Львович, – представился редактор, протягивая руку. – Рад познакомиться.

Редактор был больше похож на постаревшего спортсмена, чем на газетчика. Может, так оно и было, но, правда, в его взгляде сквозила эдакая ирония, которая возникает скорее от ума и образования, чем от длительных тренировок в спортивном зале.

– Присаживайтесь! Коньячка? – Он сопровождал свои слова барским жестом.

– Нет, спасибо. Если можно, кофе... – попросил Виктор, усаживаясь в кожаное кресло, стоявшее перед широким «офисным» столом.

Редактор кивнул. Потом снял телефонную трубку и сказал в нее: «Два кофе».

– Знаете, – снова заговорил он, примериваясь к Виктору дружелюбным взглядом, – мы вас тут совсем недавно вспоминали, а вчера заходит ко мне наш Борис Леонидыч – завкультурой – и говорит: «Гляньте-ка одним глазом!» И протягивает мне ваш рассказик. Хороший рассказик... И тут я как раз вспомнил, к чему это мы о вас говорили. Вот и решил познакомиться...

Виктор слушал и вежливо кивал. А Игорь Львович, выждав паузу, улыбнулся и продолжил:

– Вы, Виктор Алексеевич, хотели бы у нас работать?

– А что надо будет писать? – спросил Виктор, в душе заранее испугавшись новой журналистской каторги.

Игорь Львович хотел было ответить, но тут зашла секретарша с подносыком, поставила на стол чашечки с кофе, сахарницу. Редактор задержал слова, как дыхание, и подождал, пока секретарша выйдет.

– Тут дело конфиденциальное, – сказал он. – Нам нужен талантливый автор некрологов, мастер короткого жанра. Чтобы емко, коротко и довольно необычно. Понимаете? – он взглянул на Виктора с надеждой.

– То есть, я должен буду дежурить в редакции на случай чьей-нибудь смерти? – негромко и осторожно спросил Виктор, словно боясь услышать утвердительный ответ.

– Конечно, нет! Работа намного интереснее и ответственнее – надо будет создать с нуля картотеку «крестиков» – так мы здесь некрологи называем – на еще живых людей, от известных депутатов и бандитов до деятелей культуры. Но я хотел бы, чтобы вы писали так, как еще никогда о мертвых не писали. По вашему рассказу мне кажется, что вы сможете!

– А как с оплатой? – поинтересовался Виктор.

– Начнем с трехсот долларов, график работы – свободный. Но я, конечно, должен быть в курсе, кто у нас в картотеке. Никакая случайная автокатастрофа не должна нас застать врасплох! И еще одно условие. Вам придется писать под псевдонимом. Это, кстати, и в ваших интересах.

– А какой псевдоним? – скорее сам себя, чем редактора, спросил Виктор.

– Придумайте сами, но, если не придумается, можете подписывать пока «Группа товарищей».

Виктор кивнул.

Глава 4

Дома перед сном Виктор пил чай и думал о смерти. Думалось ему легко. Да и настроение у него было славное, скорее, для водки, чем для чая. Но водки не было.

Ему предложили замечательную игру. И хотя Виктор еще не знал, как будет выполнять свои новые обязанности, предвкушение чего-то нового и необычного уже заполнило его чувства. А по темному коридору бродил пингвин Миша, время от времени тыкаясь в закрытую дверь кухни. В конце концов Виктор почувствовал себя виноватым и впустил Мишу. Миша остановился около стола – его почти метрового роста хватало, чтобы обозревать все, что там находилось. Он посмотрел на чашку чая, потом перевел взгляд на Виктора. Посмотрел на него проникновенно, как умудренный опытом партийный функционер. Виктору захотелось сделать пингвину что-нибудь приятное, и он пошел в ванную, пустил холодную воду. Пингвин сразу прилепал на звук льющейся воды и, не дожидаясь, пока ванна наполнится, перегнулся и свалился в нее.

Утром Виктор заехал в редакцию «Столичной», чтобы получить от главного редактора пару практических советов.

– Как отбирать героев? – спросил Виктор.

– Проще простого. Посмотрите, о ком пишут газеты. Можете и сами искать и выбирать – родина ведь не знает всех своих героев, многим нравится оставаться инкогнито...

Вечером, накупив всевозможных газет, Виктор вернулся домой и уселся за кухонным столом.

Первые же газеты дали ему пищу для размышлений, и он, подчеркнув в них фамилии Очень Важных Персон, стал переписывать их для работы в общую тетрадь. Работы предстояло много – только из нескольких газет он выписал

около шестидесяти фамилий.

Потом пил чай и снова думал, теперь уже о самом жанре. Ему казалось – он уже видит, как превратить этот жанр в нечто очень живое, живое и в то же время сентиментальное, так, чтобы даже простой колхозник, прочитав о незнакомом ему покойнике, смахнул бы слезу. Наутро Виктор наметил себе героя первого «крестика». Оставалось только попросить «благословения» у главного.

Глава 5

В полдесятого утра, после «благословения» Игоря Львовича, чашечки кофе и торжественного вручения корреспондентского удостоверения, Виктор купил в киоске бутылку «Финляндии» и направился в приемную бывшего писателя, а ныне депутата парламента Николая Бессмертного.

Депутат, услышав, что с ним хочет встретиться корреспондент «Столичной», обрадовался. Он тут же попросил секретаршу отменить дальнейший прием и больше никого к нему не пускать.

Удобно расположившись, Виктор поставил на стол бутылку финской водки и диктофон. Депутат так же проворно поставил по обе стороны от бутылки две хрустальные стопки.

Говорил депутат легко, не ожидая вопросов. И про свое депутатство, и про детство, и про то, как был комсоргом курса в университете. На исходе бутылки похвастался своими поездками в Чернобыль. При этом, похоже, Чернобыль положительно повлиял на его потенцию, что могли в случае сомнений подтвердить его жена – учительница частной школы, и любовница – певица Национальной оперы.

Обнявшись на прощание, они разошлись. Впечатление депутат-писатель оставил у Виктора очень живое, может быть, даже слишком живое для некролога. Но в этом-то и должен был быть фокус – всякий покойник только что был живым, и строчки некролога должны еще хранить его уходящее тепло. Они не должны быть безнадежно черными.

Дома Виктор быстро написал некролог – поставил «крестик» на депутате: две страницы теплого рассказа о живом и грешном. Даже не понадобилось прослушивать диктофонную запись – слишком свежа была память.

Игорь Львович, прочитав утром текст, очень оживился.

– Высший пилотаж! – сказал он. – Лишь бы муж этой оперной певицы промолчал... «О нем могут сегодня скорбеть многие женщины, но мы, помня о них, все же отдадим наше сочувствие супруге и еще одной женщине, чей голос, взлетая под купол Национальной оперы, звучал для него, будучи слышимым всеми». Красиво! Давай! Вперед!

– Игорь Львович, – обратился к нему Виктор, осмелев. – Мне немного не хватает информации, а если я у каждого сам буду брать интервью, – уйдет много времени. Может, у нас в газете есть какая-нибудь картотека...

Главный улыбнулся.

– Конечно, есть, – сказал он. – Я и сам хотел тебе предложить. В отделе криминалистики. Я скажу Федору, чтобы ты имел доступ!

Глава 6

Жизнь Виктора самоорганизовалась, подстроившись под работу. Он старался изо всех сил. Благо, что Федор из отдела криминалистики делился с Виктором всем, что у него было. А было у него многое – от имен любовников и любовниц Очень Важных Персон до конкретных грехопадений этих же персон и других событий из их жизни. Короче, именно у него Виктор брал недостающие детали их жизнеописаний, которые, как хорошие индийские пряности, превращали «крестик» из констатации печального факта в блюдо для гурманов. И он регулярно клал на стол главному очередную порцию текстов. Все было замечательно. В кармане резвились деньги – не очень большие, но вполне отвечающие скромным запросам Виктора. Единственное, что его иногда мучило, – это отсутствие славы, пусть даже анонимной. Слишком живучими были герои его жанра. Из больше чем сотни описанных «До конца» ОВП никто не

только не умирал, но даже и не болел. Но эти размышления не сбивали Виктора с рабочего ритма. Он трудолюбиво листал газеты, выписывал фамилии, влазил в биографии этих людей. «Родина должна знать своих героев», – твердил он себе.

Был ноябрьский вечер. За окном шел дождь. Пингвин Миша снова принимал холодную ванну. А Виктор как раз думал о живучести своих героев. И вдруг зазвонил телефон.

– Я от Игоря Львовича, – сказал хриплый мужской голос. – Надо бы поговорить, есть одно дело.

Услышав имя родного редактора, Виктор охотно согласился на встречу.

Через полчаса у себя дома он встречал гостя – мужчину лет сорока пяти, подтянутого, со вкусом одетого. Гость пришел с бутылкой виски, и они сразу уселись за кухонный стол.

– Миша! – представился гость, а Виктор усмехнулся и тут же смутился.

– Извините, так зовут моего пингвина, – сказал он.

– У меня есть старинный друг, который очень болен... – заговорил гость, – мы ровесники и дружим с детства. Зовут его Сергей Чекалин. Я хочу заказать вам его некролог... Возьметесь?

– Конечно, – ответил Виктор. – Но мне нужны факты из его жизни, желательно что-то личное.

– Нет проблем, – сказал Миша. – Я знаю про него все. Могу рассказать...

– Пожалуйста.

– Он – сын слесаря и воспитательницы детского сада. С самого детства мечтал о мотоцикле и после окончания школы наконец купил себе «Минск», но для этого ему пришлось немного поворовать... Сейчас он очень стыдится своего прошлого. Правда, его настоящее не лучше. Мы с ним коллеги, занимаемся открытием и закрытием трастов, только у меня это получается, а у него – нет. Недавно от

него ушла жена, и он остался совершенно один. У него даже любовницы никогда не было.

– Как звали жену?

– Лена... В общем, дела у него идут печально, плюс здоровье...

– А что со здоровьем?

– Подозрение на рак желудка и вечный простатит.

– Ну, а что для него главное в жизни? – спросил Виктор.

– Главное? Серебристый «линкольн», которого у него никогда не будет...

Разговор они запивали виски, и из этого коктейля слов и спиртного за столом рядом с ними словно сидел третий, Сергей Чекалин, брошенный женой неудачник, оставшийся при плохом здоровье наедине со своей неосуществимой мечтой – серебристым «линкольном».

– Когда заехать? – спросил под конец Миша.

– Можно завтра.

Когда Миша вышел, Виктор услышал с улицы звук заведшейся машины. Выглянул и увидел, как от его парадного отъезжает тот самый «линкольн» серебряного цвета – длинный и важный.

Покормив пингвина Мишу свежемороженой камбалой и набрав для него холодной воды в ванну, Виктор вернулся на кухню, где засел за написание заказанного некролога. Окошко между ванной и кухней позволяло слышать плеск воды, и он улыбался, набрасывая черновик «крестика» и думая о пингвине, так любящем чистую холодную воду.

Осень – лучшее время для написания некрологов. Время увядания, грусти, размышлений о прошлом. Зима хороша для жизни – она уже радостна сама по себе, бодрящий морозец, искрящийся на солнце снег. Но до зимы оставалось еще несколько недель, и за это время можно было сделать неплохой задел на следующий год. Работы предстояло много.

За окном снова лил дождь, когда к Виктору зашел Миша-непингвин. Прочитав заказанный некролог, он остался очень доволен. Достал бумажник и спросил: «Сколько?»

Хозяин квартиры пожал плечами – пока что ему платили за месяц.

– Послушай, – сказал Миша. – Хорошая работа должна хорошо оплачиваться.

С этим утверждением было трудно не согласиться, и Виктор кивнул.

Миша задумался.

– По крайней мере ты должен получать в два раза больше самой дорогой проститутки... Пятьсот баксов хватит?

Отсчет гонорара от максимальной ставки проститутки Виктору не понравился, но сумма пришлась по душе. Он снова кивнул и получил от Миши пять стодолларовых бумажек.

– Если ты не против, я тебе еще клиентов подыщу! – предложил Миша.

Виктор был не против.

Миша-непингвин ушел. На улице продолжалось серое дождливое утро. Открылась дверь, и в проеме остановился пингвин. Постояв минуту, он подошел к хозяину, прижался телом к его коленям и так замер. Виктор погладил милого зверя.

Глава 8

Ночью сквозь некрепкий сон Виктор слышал, как бродил по квартире страдающий бессонницей пингвин. Бродил, оставляя все двери открытыми. Иногда казалось, будто пингвин останавливается и тяжело вздыхает, словно старик, уставший от жизни и от себя.

Утром позвонил Игорь Львович и попросил приехать в редакцию.

За чашечкой кофе они обсудили с ним состояние дел с картотекой «крестиков». В основном главный был доволен.

– Единственное наше упущение, – говорил он, – это то, что все наши будущие покойники – жители Киева. Конечно, столица, как пылесос, втягивает в себя всех более или менее заметных людей, но и в других городах живут свои знаменитости.

Виктор слушал внимательно, время от времени кивая.

– У нас везде есть свои корреспонденты, – продолжал главный, – они уже собирают нужную информацию. Надо будет только съездить и забрать у них все, что они соберут. Почта – штука ненадежная, даже факсу нельзя полностью доверять такие вещи. Кстати, я хотел бы вас попросить принять в этом участие.

– В чем?

– Надо съездить в пару городов за всеми этими материалами. Сначала в Харьков, потом в Одессу, если вы не против. За счет редакции, конечно...

Виктор согласился.

На улице снова накрапывал дождик. По дороге домой Виктор зашел в кафе, заказал пятьдесят граммов коньяка и двойной кофе. Хотелось согреться.

В кафе было тихо и безлюдно. Хорошая атмосфера для того, чтобы помечтать, или же, наоборот, – для воспоминаний.

Виктор пригубил коньяк. Знакомый запах зашекотал ноздри. «Настоящий!» – обрадовался он.

Приятная пауза в кафе – эта остановка между прошлым и будущим с рюмкой коньяка и чашечкой кофе – настраивала на романтический лад. Он не чувствовал себя одиноким или несчастным. Он был полноценным посетителем, удовлетворяющим свою небольшую потребность во внутреннем тепле. Пятьдесят граммов настоящего коньяка – и вот тепло уже движется в двух противоположных направлениях – вверх, в голову, и вниз – в ноги. Мысли замедляют свой ход.

Раньше Виктор мечтал стать писателем-романистом. Но даже до повести он так и не добрался. Хотя где-то в папках лежат несколько незаконченных рукописей. Но это их судьба – так и остаться незаконченными. Ему просто не везло с музами. Они почему-то не задерживались в его двухкомнатной квартире достаточно долго, чтобы он мог довести хотя бы одну повесть до конца. В этом-то и была причина его жанровых неудач. Музы были удивительно непостоянны с ним. Или же он сам был виноват, выбирая себе таких ненадежных муз. Но вот, вообще оставшись наедине с пингином, он все равно занимался коротким жанром, за который, правда, теперь неплохо платили.

Основательно согревшись, он покинул кафе. На улице продолжался дождик. День был сырой и серый.

Перед тем как вернуться домой, Виктор купил в магазине килограмм мороженого лосося – для Миши.

Глава 9

Перед поездкой в Харьков Виктору надо было решить одну проблему – с кем оставить пингвина Мишу. Наверное, пингвин бы спокойно пережил трехдневное одиночество, но Виктор волновался. Он перебрал в памяти всех знакомых – друзей у него, увы, не было, – но все это были люди далекие, и обращаться к ним Виктору не хотелось. Он почесал затылок, подошел к окну.

На улице накрапывал дождик. У парадного какой-то милиционер беседовал со старушкой-соседкой. Виктор вспомнил старый анекдот про пингвина и милиционера и улыбнулся. Он взял в руки записную книжку, отыскал там телефон участкового.

– Младший лейтенант Фишбейн слушает, – ответил четкий мужской голос на другом конце телефонной линии.

– Извините, – запинаясь, подыскивая слова, заговорил Виктор, – у меня к вам просьба... Я живу на вашем участке...

– Что-то случилось? – перебил его участковый.

– Нет. Пожалуйста, не подумайте, что я шучу. Дело в том, что я уезжаю в командировку на три дня и мне не с кем оставить пингвина...

– Вы знаете, – участковый говорил спокойным твердым голосом, – к сожалению, мне негде держать вашего пингвина, я живу вместе с мамой в гостинке...

– Вы неправильно поняли, – заволновался Виктор. – Я хотел вас попросить только прийти пару раз ко мне и дать ему поесть... Я вам оставляю ключи...

– Это можно. Назовите ваш адрес и имя, я к вам зайду. Около трех вы будете дома?

– Да, буду.

Виктор сел в кресло.

Чуть больше года назад тут, рядом с ним, на широком подлокотнике кресла обычно сидела Оля, миниатюрная блондинка со вздернутым симпатичным носиком и вечно укоризненным взглядом. Иногда она клала свою голову ему на плечо и словно засыпала, погружалась в свои мечты, в которых, возможно, ему места не было. Ему разрешалось присутствовать только в реальности. Но и в реальности он редко чувствовал себя нужным ей. Она была молчалива и задумчива. Что изменилось с тех пор, как она ушла, так и не объяснив ему свой уход? Теперь рядом стоял пингвин Миша. Молчаливый, но задумчивый ли? Что

такое задумчивость? Может, это лишь слово для описания взгляда?

Виктор наклонился и отыскал взглядом глазки пингвина. Внимательно рассматривая их, он искал в них признаки задумчивости, но видел лишь грусть.

Участковый пришел без четверти три. Разулся и прошел в комнату. Его внешность не соответствовала его же фамилии – широкоплечий светловолосый и голубоглазый парень почти на голову выше Виктора мог бы, наверное, оказаться скорее в сборной по волейболу, чем в милиции, но все-таки именно он был участковым.

– Ну, где ваш зверь? – спросил он Виктора.

– Миша! – позвал Виктор, и пингвин выбрался из своего закутка – из-за темно-зеленого дивана.

Подойдя к Виктору, пингвин с интересом посмотрел на милиционера.

– Ну вот, Миша, – сказал ему Виктор. Потом повернулся к участковому. – Извините, как вас зовут?

– Сергей.

Виктор задержал на участковом свой взгляд.

– Странно, – сказал он. – Вы совсем не похожи на еврея...

– А я не еврей, – улыбнулся участковый. – Моя настоящая фамилия Степаненко...

Виктор пожал плечами и вернулся взглядом к пингвину.

– Миша, – сказал он ему. – Этого человека зовут Сергей, и он будет тебя кормить, пока я в отъезде.

Потом Виктор показал Сергею, где что лежит, и дал ему запасные ключи от квартиры.

– Не беспокойтесь, – сказал уходя участковый. – Все будет в порядке!

Глава 10

В Харькове было морозно. Виктор, выйдя из поезда, сразу же понял, что гулять по городу ему, скорее всего, не придется – слишком легко он был одет.

Устроившись в гостинице «Харьков», он позвонил корреспонденту «Столичной», назвался. Они договорились о встрече в кафе под Оперным театром.

Приблизился вечер – время встречи, и Виктор все-таки пошел по Сумской до Оперного, чувствуя, как липнет к коже лица мороз и руки немеют в карманах короткой куртки.

Город серо нависал над тротуаром, прохожие спешили, словно боялись, что дома вот-вот начнут падать или осыпаться балконами, что давно перестало быть редкостью.

Еще минут пять, потом надо будет спуститься в подземные лабиринты под театром, заполненные барами, магазинами и кафе. Найти там двухъярусное кафе с эстрадой и усестся сверху у бортика, лицом к эстраде. Да, надо будет взять стакан апельсинового сока и банку пива, но пиво не открывать.

Виктор спешил, хотя время встречи было растянуто на полчаса – с полседьмого до семи. Холод подгонял его.

«Возьму там что-нибудь поесть, – думал на ходу Виктор, – кусок горячего мяса...»

Подойдя к зданию театра, он увидел вход в цивилизованное подземелье. Из одной темноты, подсвеченной окнами вечернего города, – в другую, ярко освещенную подземными витринами.

На первых ступеньках, ведущих вниз, стояли две старушки с протянутыми руками и довольно молодой пьяница с лицом, потерявшим четкость линий.

Коридоры света вывели Виктора ко входу в кафе. За стеклянной дверью сидел омоновец в униформе и читал книгу. Он отвлекся на входящего Виктора.

– Куда? – спросил он не то, чтобы строго, но по-военному требовательно.

– Поесть, – ответил Виктор.

Омоновец кивнул и показал рукой вперед.

Виктор прошел мимо бара, у стойки которого пили пиво несколько с виду уголовных посетителей. Лысый бармен, встретившийся взглядом с Виктором, криво усмехнулся ему и словно откинул взгляд Виктора куда-то в сторону, мол, иди и не оборачивайся!

Впереди показалось ярко освещенное пространство, оно словно притягивало к себе, и Виктор прибавил шаг.

Остановился перед небольшой эстрадой, по бокам полукругом – два яруса столиков. Верхний всего на полметра выше нижнего.

Подошел к бару, заказал стакан апельсинового сока и банку пива.

– Все? – спросила барменша, крашенная толстая блондинка.

– А из мяса у вас что-нибудь есть? – спросил в ответ Виктор.

– Рыбный балык, яичница, – монотонно ответила она.

– Тогда все, – выдохнул Виктор. – Пока все.

Расплатившись, он уселся за столик в верхнем ярусе кафе, лицом к эстраде. Глотнул сока и еще сильнее почувствовал голод.

«Ладно, – подумал, – уже в гостинице поем, там есть ресторан».

Взглянул на часы – двадцать минут седьмого.

В кафе было тихо. За соседним столиком сидели два азербайджанца и молча пили пиво.

Виктор обернулся, окинул взглядом все кафе и вдруг какая-то вспышка на миг ослепила его. Он зажмурился, потер руками глаза, снова открыл их и увидел уходящего по коридору парня, в руке он держал фотоаппарат.

Виктор еще раз оглянулся, пытаясь понять, кого только что фотографировали. Но кроме него и двух азербайджанцев в этой части кафе никого не было.

«Значит, это кавказцев», – подумал он и снова глотнул водянистого сока.

А время шло. В высоком стакане оставалось не больше глотка. Виктор уже посматривал на неоткрытую банку пива, думая взять еще одну и открыть.

К столику подошла девушка в джинсах и кожаной курточке. На голове, подчеркивая безупречную форму черепа, был туго повязан рокерский платок с узлом на затылке. Из-под узла торчал хвостик каштановых волос.

Она присела рядом и уставилась накрашенными глазками на Виктора.

– Ты не меня ждешь? – спросила и улыбнулась.

Виктор встrepенулcя, напрягcя, почувcтвовал ceбя неловко.

«Нет, – лихорадочно думал он. – Корреспондент ведь – мужчина... Хотя, может быть, он прислал ее вместо себя?»

Виктор окинул девушку взглядом, отыскивая сумку или портфель, в котором она могла бы принести нужные Виктору бумаги, но при ней была лишь малюсенькая сумочка, в которой не поместилась бы даже бутылка пива.

– Так что, дорогуша? Или времени нет? – снова напомнила она о себе, и Виктор сразу понял, что он ждет не ее.

– Спасибо, – сказал он. – Вы – ошиблись.

– Я вообще-то редко ошибаюсь, – проговорила она сладким голосом, поднимаясь из-за столика. – Но все бывает...

Виктор с облегчением вздохнул и снова посмотрел на не открытую до сих пор банку пива. Потом на часы. Без четверти семь. Пора бы уже ему появиться.

Но собкор так и не появился. В полвосьмого Виктор опустошил банку пива и ушел. Поел уже в гостинице, в ресторане. Потом поднялся в номер и снова позвонил собкору, но длинные гудки продолжались и продолжались, пока Виктор не опустил трубку на место.

Глаза слипались. Теплота гостиничного номера расслабляла и усыпляла.

Решив перезвонить собкору утром, Виктор улегся на кровать и сразу уснул.

Глава 11

В Киеве снова моросил дождь. Участковый Сергей Фишбейн-Степаненко зашел в квартиру Виктора. Разулся. В вязаных зеленых носках он прошел на кухню, вытащил из морозильника рыбину лосося, разломил ее об колено и половину положил в миску, стоявшую на низенькой детской табуретке.

– Миша! – крикнул он и прислушался.

Не дождавшись ответа, он прошел в первую комнату, потом в спальню. Там, за диваном, он и увидел Мишу, то ли сонного, то ли грустного, стоящего у стены.

– Пойдем, пойдем кушать! – ласково позвал его участковый.

Миша посмотрел милиционеру в глаза.

– Ну пойдём! – попросил участковый. – Скоро твой хозяин вернется! Ты скучаешь, да? Пойдём!

Пингвин не спеша поплелся в кухню, а Сергей, осторожно ступая, пошел следом. Проводил его до миски, проследил за началом трапезы, после чего с чистой совестью вернулся в коридор, обулся, оделся и вышел под морозящий киевский дождь.

«Хорошо бы день прошел без вызовов!» – подумал он, посматривая на мрачное низкое небо.

Глава 12

Утром Виктора разбудила беспорядочная стрельба, доносившаяся с улицы. Зевая, он поднялся, посмотрел на часы – восемь утра. Подошел к окну – внизу стоял милицкий джип и «скорая помощь».

Подняв взгляд, Виктор заметил синеву неба и бледно-желтое солнце, показавшее свои первые лучи из-за серых сталинских зданий. Погода обещала быть хорошей.

Виктор присел за столик, на котором стоял телефон, набрал номер собкора.

– Алло? – раздался женский голос. – Кого вам?

– Николая Александровича можно? – спросил Виктор.

– А кто звонит?

– Это из газеты... из «Столичной», – ответил Виктор, ощущая присутствовавшее в женском голосе напряжение.

– Как вас зовут? – спросил голос.

Что-то тут было не так, и Виктор, почувствовав дрожь в руке, опустил трубку на место.

– Кофе! – подсказал он сам себе. – Надо выпить кофе.

Одевшись и плеснув себе в лицо две пригоршни холодной воды, он спустился в гостиничный бар. Подошел к стойке, заказал двойную половинку кофе.

– Присядьте, я вам принесу, – сказал бармен.

Виктор выбрал место в углу бара, присел на мягкий и широкий велюровый пуфик перед столиком со стеклянной столешницей. Рука потянулась к тяжелой пепельнице, тоже из литого стекла. Он покрутил ее задумчиво.

В баре было тихо.

Подошел бармен, опустил на столик чашечку с кофе.

– Еще что-нибудь? – спросил он.

– Нет. Спасибо. – Виктор кивнул, потом поднял голову и пристально посмотрел на бармена. – Скажите, пожалуйста, а что это за стрельба была утром?

Бармен пожал плечами.

– Вроде валютную убили... Видно, кого-то обидела.

Кофе немного горчил, но его благотворное воздействие Виктор ощутил почти сразу. Исчезло ощущение дрожи в пальцах и замедлилось движение нервных токов в голове. К Виктору вернулось спокойствие. Он собрался с мыслями.

«Ничего страшного не произошло, – услышал он собственную мысль, звучащую до того уверенно, что не верить ей было невозможно. – Это просто жизнь. Обычная жизнь. Надо просто позвонить главному и спросить, что делать».

Допив кофе и расплатившись, Виктор поднялся в свой номер и позвонил в Киев.

– У вас обратный билет на сегодня, – спокойно сказал Игорь Львович. – Вот и возвращайтесь. Продолжите заниматься Киевом, а с провинцией пока повременим...

Уже заняв свое место в купе, Виктор развернул купленный на вокзале свежий номер «Вечернего Харькова». Просматривая его, он наткнулся на раздел криминальной хроники, в котором мелким кеглем перечислялись свежие преступления. Под рубрикой «Убийства» Виктор прочитал: «Вчера около пяти часов вечера в своей квартире неизвестными был застрелен собственный корреспондент «Столичных вестей» Николай Агнивцев».

Виктору стало как-то не по себе. Он опустил раскрытую газету на колени. Поезд неожиданно дернулся, и газета упала на пол.

Глава 13

Поднимаясь утром к себе, Виктор столкнулся с участковым милиционером.

– А, доброе утро! – обрадовался Сергей Фишбейн-Степаненко. – Что-то вы бледный...

– Как Миша? – спросил Виктор затравленным голосом.

– Все в порядке! – улыбнулся участковый. – Конечно, скучал без хозяина. Там у вас в морозильнике рыба кончается...

– Большое спасибо! – Виктор попробовал благодарственно улыбнуться, но улыбка получилась болезненной и кислой. – Я перед вами в долгу! Может, как-нибудь выпьем по сто грамм?

– Спасибо. Не откажусь, – милиционер кивнул. – Звоните, телефон ведь знаете! И если надо будет еще разок присмотреть за вашим питомцем – не стесняйтесь! Я люблю животных. Настоящих, конечно, а не тех, с которыми приходится иметь дело по службе...

Миша обрадовался хозяину. Он уже стоял в коридоре, когда Виктор зашел и включил свет.

– Привет, дорогой! – Виктор опустился на корточки и заглянул пингвину в глаза.

Ему показалось, что Миша улыбнулся.

В глазах у пингвина действительно сверкнули радостные искорки, и он неуклюже сделал шаг вперед, к своему хозяину.

«Хоть кто-то ждет меня в этом мире!» – подумал Виктор. Он выпрямился, разделся и прошел в комнату. Пингвин прошлепал следом за ним.

Глава 14

Утром у Виктора болела голова. Он лежал в кровати. Вставать не хотелось.

Будильник показывал полдесятого.

Ворочаясь с боку на бок с открытыми глазами, Виктор заметил стоявшего у изголовья пингвина.

– О господи! – выдохнул Виктор, опуская ноги на пол. – Я ж его не кормил со вчерашнего дня!

И, не обращая внимания на болезненный шум в голове и на гудящие виски, он быстро собрался и вышел на улицу.

Морозный воздух немного приободрил Виктора. Похоже, что зима шла за ним по пятам от самого Харькова.

«Надо будет позвонить главному, – думал на ходу Виктор. – Сказать, что я приболел... И газеты купить надо, может, все-таки поработаю немного...»

В рыбном отделе гастронома он купил два кило мороженой камбалы. Потом, поколебавшись, купил еще килограмм живой рыбы.

Дома набрал в ванну холодной воды, пустил туда три серебристых карпа, потом уже позвал Мишу.

Миша, посмотрев на плавающих в ванне рыб, отвернулся и пошлепал обратно в комнату.

Виктор пожал плечами, не понимая своего питомца.

В дверь позвонили.

Виктор увидел в дверном глазке Мишу-непингвина.

– Привет! – сказал, входя Миша. – Есть парочка заказов. Ты как?

Виктор кивнул.

Они прошли на кухню. Туда же пришлепал пингвин.

– А, тетка! – усмехнулся гость. – Приветик!

Потом посмотрел на Виктора.

– А ты чего такой мрачный? – спросил он. – Приболел, что ли?

– Да, – кивнул Виктор. – Да и вообще как-то хреново...

Ему почему-то хотелось жаловаться, и хотя что-то внутри протестовало против такого его поведения, но сдержаться он не мог.

– Пишу-пишу, а никто и не видит моего труда, – говорил он, и голос его был не слезливый, а скорее сердитый, не требующий сочувствия. – Уже больше двухсот страниц... И все впустую...

– Ну почему впустую? – остановил его Миша-непингвин. – Ты просто пишешь в ящик, как писали многие писатели в доброе советское время. Но с той разницей, что твои вещи все равно рано или поздно напечатают... Гарантирую.

Виктор кивнул, понимая правоту гостя, но все равно приступ неудовлетворенности продолжался и не давал ему не только улыбнуться, но даже успокоиться.

– Ну а про кого ты лучше всех написал, как ты думаешь? – дружелюбно спросил Миша-непингвин.

– Про Бессмертного, – подумав, ответил Виктор и вспомнил длинное застольное интервью за бутылкой финской водки.

– Это который писатель и депутат? – переспросил Миша.

– Да.

– Ну ладно, – сказал он. – Тут я тебе кое-что интересное принес. Почитай.

Виктор взял в руки несколько листов бумаги, просмотрел их. Незнакомые фамилии, строчки биографий, даты. Вникать сейчас в эти тексты Виктору не хотелось. Он просто кивнул и отложил листы в сторону.

– Позвони мне, когда будет готово, – попросил Миша-непингвин, протягивая Виктору визитную карточку.

Глава 15

За окном шел первый снег. Виктор пил кофе и читал бумаги, принесенные Мишей-непингвином пару дней назад. Это были биографические досье на замначальника налоговой службы и на хозяйку ресторана «Карпаты». Биографии этой парочки были достаточно пестрыми, чтобы стать заметными «крестиками». С такими персонажами можно было спокойно писать приключенческий роман, думал Виктор, замечательные отрицательные герои! Но для написания романа

требовалось совершенно свободное время, которого у Виктора не было. Правда, у него теперь были деньги, был пингвин Миша и три серебристых карпа, плавающих в ванной. Но можно ли было все это считать компенсацией за ненаписанный роман?

Вспомнив о карпах, Виктор взял кусок булки и пошел в ванную кормить живую рыбу.

Накрошив булки, он услышал рядом чье-то дыхание. Обернулся и увидел Мишу. Миша с грустью смотрел на плавающих в ванне рыб.

– Так что, пресноводных ты не любишь? – спросил пингвина Виктор и вместо него сам же и ответил на вопрос: – Конечно, мы же вообще-то антарктические, океанские, в собственном соку...

Вернувшись в комнату, Виктор позвонил участковому и пригласил его на рыбный ужин.

За окном все еще шел снег.

Виктор поставил на кухонный стол пишущую машинку и принялся слово за словом «рисовать» живые образы будущих покойников.

Работа продвигалась медленно, но уверенно. Каждое слово ложилось на свое место и становилось незыблемым, как фундамент египетской пирамиды.

«Не от хорошей жизни покойный согласился на убийство своего младшего брата, в руки к которому случайно попал список будущих акционеров еще не приватизированного завода стиральных машин. Но памятник, поставленный покойным в память о брате, стал настоящим украшением кладбища. Часто жизнь заставляет убивать, а смерть близкого человека заставляет жить дальше, жить, несмотря ни на что... Все взаимосвязано. Все в этом мире объединено кровеносными сосудами. Жизнь всех – это одно целое, и потому смерть одной малой части целого все равно оставляет позади себя жизнь, так как количество живых частей целого всегда превышает количество умерших частей...»

Участковый Фишбейн-Степаненко пришел на ужин в джинсах и черном свитере поверх фланелевой полосатой рубашки. Он пришел с бутылкой коньяка и кульком мороженой трески для пингвина.

Ужин еще не был готов, и они вместе с Виктором дожаривали карпов, освободивших наконец ванну. Тем временем в ванной, в свежей холодной воде плескался пингвин. Виктор и Сергей слушали сквозь шипение жарящейся на сковороде рыбы плеск воды в ванной и оба улыбались.

Наконец еда была готова.

Выпив по рюмке коньяка, хозяин и гость принялись за рыбу.

– Костлявая! – сказал, словно извиняясь от имени этой рыбы, Виктор.

– Это ничего, – кивнул участковый. – За все приходится платить... Она, рыба, чем костлявее, тем вкуснее. Я, помню, мясо кита пробовал – тоже ведь рыба! Никаких костей и никакого вкуса...

Они запивали рыбу коньяком, поглядывали на летящий в едва подсвеченной чужими окнами темноте снег. Что-то было в этом ужине новгоднее.

– А ты чего один живешь? – спросил после брудершафта Сергей.

Виктор пожал плечами.

– Так получилось, – ответил он. – Не везет мне с женщинами. Все какие-то потусторонние попадают. Тихие, незаметные. Поживут и исчезают... Надоело. Вот пингвина взял, и как-то сразу легче стало. Но он почему-то грустный все время... Может, было бы лучше взять собаку... Они все-таки эмоциональнее, лаем встречают, облизывают, хвостом виляют...

– Чего! – махнул рукой Сергей. – Собак надо два раза в день на улицу выводить, запах от них на всю квартиру... Пингвин лучше. Ты-то сам чем занимаешься?

– Писатель, – ответил Виктор.

– Детский?

– Почему детский? – удивился хозяин. – Нет. Я для газеты пишу.

– А-а, – кивнул Сергей. – Я газеты не люблю. От них всегда настроение портится.

– Я тоже не люблю. А кстати, откуда у тебя такая фамилия? Фишбейн...

Сергей тяжело вздохнул.

– Понимаешь, скучно было очень, а у меня тетка в паспортном столе работала. Вот как-то и решил стать евреем и уехать к чертовой матери. Евреем стал, просто написал заявление о потере паспорта – так тетка научила, – а она мне новый с еврейской фамилией выписала. А потом посмотрел, как эмигранты за границей живут. Не позавидуешь. Вот и решил остаться, а чтобы при оружии быть – в участковые пошел. В принципе работа безопасная, бытовые скандалы и всякие глупые жалобы разбираю. Конечно, не то, о чем мечтал.

– А о чем ты мечтал?

Неожиданно дверь на кухню открылась, и в проеме показался совершенно мокрый пингвин Миша. С него продолжала стекать вода. Постояв в проеме, он прошел мимо стола к своей миске, потом вопросительно посмотрел на хозяина. Миска была пустой.

Виктор полез в морозильник, отломал от смерзшегося пласта камбал три рыбины, порезал их на кусочки и положил в миску.

Миша опустил на мерзлую рыбу свою голову и так застыл.

– Глянь! – с интересом сказал Сергей. – Размораживает, как пить дать размораживает!..

Виктор, вернувшись на свое место, тоже посмотрел на пингвина.

– Ну ладно, – отвлекся Сергей, взял в руку рюмку. – Все мы достойны лучшей рыбы, но едим ту, что есть... За дружбу!

Чокнулись и выпили. И легко стало Виктору. Всякое прошлое недовольство собой и другими забылось, и «крестики» забылись. словно и не работал он нигде, а просто жил и придумывал роман, который когда-нибудь запишет. Он смотрел на Сергея, и ему хотелось улыбаться. Дружба? Это то, чего у него, должно быть, никогда не было. Так же, как и костюма-тройки и настоящей страсти. Жизнь была бледна и болезненна, она не приносила радости. Даже пингвин Миша, и тот был какой-то грустный, словно и он познал лишь бледность жизни, без красок и эмоций, без радостных всплесков души, без восторга.

– Слушай, – предложил вдруг Сергей. – Давай еще по одной и пойдем прогуляемся. Втроем!

На улице было тихо и поздно. Все дети уже спали. Уличные фонари не горели, и первый снег освещался лишь случайными огнями, случайными горящими окнами.

Виктор, Сергей и Миша неспешно шли от дома к пустырю, на котором стояли три голубятни. Хрустел снег под ногами. Морозный воздух колот щеки.

– О, гляди! – сделав несколько быстрых шагов вперед, проговорил Сергей, остановившись у лежавшего под голубятней на снегу человека в синем потертом пальто. – Твой сосед! Поликарпов. Квартира тринадцать. Надо оттащить его в ближайшее парадное и прислонить к батарее, а то замерзнет!

Вместе они взялись за воротник синего пальто и потащили пьяного Поликарпова по снегу к ближайшей пятиэтажке. За ними неуклюжей походкой шел пингвин Миша.

Когда Виктор и Сергей вышли из парадного, они увидели Мишу, стоящего нос к носу с большой дворнягой. Они словно приняхивались друг к другу. Увидев вышедших из парадного людей, собака убежала прочь.

Глава 16

Утром Виктора поднял на ноги телефонный звонок.

– Алло! – хриплым спросонок голосом сказал он в трубку.

– Виктор Алексеевич! Поздравляю с почином! Я вас не разбудил?

– Все равно уже пора вставать! – проговорил Виктор, узнав голос главного. – А что произошло?

– Первая публикация! Кстати, как самочувствие?

– Уже лучше.

– Тогда приезжайте в редакцию! Обсудим ваши успехи.

Умывшись, Виктор позавтракал, выпил чаю. Проведал своего питомца – тот еще спал, стоя в любимом закутке за темно-зеленым диваном.

Вернувшись на кухню, Виктор положил в Мишину миску мороженую рыбину трески.

На улице лежал свежавыпавший снег. Сизое небо висело низко, почти над крышами пятиэтажек. Было спокойно и не очень холодно.

Первым делом Виктор купил свежий номер «Столичных вестей». Развернул газету уже в автобусе, удобно усевшись на мягкое сиденье. Пробежав глазами заголовки, он наконец наткнулся на поставленный в высоту прямоугольник текста, обведенный жирной черной рамкой.

«Не стало писателя и депутата Николая Бессмертного. Опустило кожаное кресло в третьем ряду парламентского зала. Это место вскоре займет другой человек, но в сердцах многих, знавших Николая Бессмертного, поселится ощущение пустоты, ощущение глубокой потери...»

«Ну вот, – подумал Виктор, – первая публикация...»

Но ему не было особенно радостно, хотя откуда-то из глубины проклевывалось давно забытое чувство – чувство самоудовлетворения. Он дочитал текст до

конца – все слова были на своих местах, никаких следов редакторских ножниц.

Глаза остановились на подписи, на этом почти фразеологическом псевдониме, способном скрыть за своими двумя словами любое количество людей – Группа Товарищей. Забавно, что именно так – оба слова с заглавной буквы – написал Виктор в оригинале. И даже это редактор не изменил. Действительно, к нему отнеслись как к уважаемому писателю, а не как к журналисту.

Опустив газету на колени, Виктор посмотрел в окно, на проезжающий мимо автобуса город.

– Смотри, птичка! – показала пальцем вверх сидевшая впереди мамаша своему ребенку. Виктор машинально проследил за направлением ее пальца и увидел метавшегося под потолком автобуса воробья.

Глава 17

Редактор встретил Виктора так радушно, будто год не видел. Кофе, коньяк и сто долларов в длинном элегантном конверте – настоящая атрибутика праздника.

– Ну, вот, – сказал Игорь Львович, поднимая рюмку с коньяком. – Начало положено. Будем надеяться, что остальные «крестики» тоже не залежатся.

– А как он умер? – спросил Виктор.

– Выпал из окна шестого этажа. Вроде, мыл стекла, только почему-то не у себя дома. К тому же – ночью.

Они чокнулись и выпили.

– Знаешь, – продолжал откровенничать главный. – Мне уже звонили несколько коллег из других газет. Завидуют, паразиты! Говорят, я изобрел новый жанр! – Главный самодовольно ухмыльнулся. – Это, конечно, твоя заслуга! Но ты у нас засекречен, поэтому все хорошее и плохое я буду брать на себя! Хорошо?

Виктор кивнул, но в мыслях огорчился невозможности показаться в свете прожекторов пускай хоть и журналистской, но все-таки славы. Видно, главный заметил что-то во взгляде Виктора.

– Не переживай, когда-нибудь все узнают настоящее имя автора, если ты захочешь... А пока для тебя же лучше быть никому не известной «Группой Товарищей». Через несколько дней ты поймешь почему. Кстати, не забывай, что надо использовать все подчеркнутые факты из тех досье, что ты берешь у Федора. Я же не обрезаю твои философские рассуждения, которые, по правде говоря, никакого отношения к покойникам не имеют...

Виктор кивнул. Пригубил кофе, и его горьковатый вкус напомнил вдруг о гостиничном баре в Харькове. Вспомнилось то утро, когда беспорядочная стрельба разбудила его раньше времени.

– Игорь, – заговорил Виктор, – а что тогда случилось в Харькове?

Главный налил в рюмки коньяка, вздохнул, поднял на Виктора заторможенный, словно остановившийся, взгляд.

– «И боец молодой, вдруг поник головой, – тихо запел он, – комсомольское сердце пробито...» Газета понесла потери... Это уже седьмой из наших. Скоро можно будет зал славы открывать... Ну, да тебе это ни к чему! Меньше знаешь – дольше живешь!.. – проговорил главный, потом посмотрел в глаза Виктору и уже совсем другим, уставшим голосом добавил: – И это к тебе уже не относится. Ты знаешь побольше других... Ладно...

Виктор уже пожалел о своем любопытстве – вся атмосфера маленького праздника «тет-а-тет» испарилась.

Глава 18

Ноябрь под конец переметнулся от глубокой осени к такой же зиме. Дети играли в снежки. Колючий морозный воздух пробирался за воротник. Машины по дорогам ездил медленно, словно боялись друг друга, и сами дороги стали

намного уже. Все под воздействием холода уменьшалось, укорачивалось, съезживалось. И только сугробы снега на обочинах росли благодаря трудолюбию и широким лопатам дворников.

Виктор, поставив точку во втором из заказанных Мишей-непингином «крестиков», глянул в окно. Не было никакого желания, да и необходимости выходить в этот день на улицу. Чтобы рассеять тишину квартиры, Виктор включил радиоточку, стоявшую на холодильнике. Беззаботный шум парламента с шипением вырвался из динамика. Виктор прикрутил громкость. Поставил на огонь чайник. Посмотрел на часы – ранний вечер, полшестого. Для окончания дня рановато.

Сходил в комнату и позвонил Мише-непингвину.

– Все готово! – доложил он ему. – Можешь приезжать.

Миша приехал не один. С ним в квартиру вошла маленькая девочка с круглыми любопытными глазками.

– Моя дочка, – сказал Миша. – Не с кем было ее дома оставить... Скажи дяде Вите, как тебя зовут! – Он наклонился к ней, стал расстегивать пуговицы маленькой рыжей шубки.

– Соня, мне уже четыре года, – проговорила девочка, глядя снизу вверх на Виктора. – А правда, что у вас пингвин живет?

– Ну, вот, не успела зайти, а уже... – Миша снял с нее шубку, помог ей стащить с ног сапожки.

Они прошли в большую комнату.

– А где пингвин? – снова спросила она, оглядываясь по сторонам.

– Сейчас, – сказал Виктор. – Сейчас я его найду!

Сначала он сходил на кухню. Принес Мише оба свеженаписанных «крестика». Потом направился в спальню.

– Миша! – позвал он, заглядывая за темно-зеленый диван.

Миша стоял на своей подстилке – на сложенном втрое старом верблюжьем одеяле, уставившись в стену.

– Ты чего? – спросил, наклоняясь, Виктор. – Заболел, что ли?

– Что с ним? – спросила неслышно подошедшая к дивану Соня.

– Миша, у нас гости!

Соня подошла к пингвину и погладила его.

– Ты заболел? – спросила она.

Пингвин дернулся, повернул голову, посмотрел на девочку.

– Папа! – крикнула Соня. – Он повернулся!

Оставив Соню с пингином, Виктор вернулся в большую комнату. Миша, сидя в кресле, дочитывал второй некролог. По выражению его лица Виктор понял, что текст заказчику понравился.

– Порядок! – сказал Миша-непингвин. – Трогательно пишешь! Видно, что люди дерьмовые, а все равно их жалко, когда читаешь... Ну что, чайком угостишь?

Они перешли на кухню, где сели за стол и, пока нагревался чайник, говорили о погоде и о других неважных делах. Когда же чай был заварен и разлит по чашкам, Миша-непингвин протянул Виктору конверт.

– Гонорар, – сказал он. – Скоро еще заказик будет. Да, помнишь, ты про Серегу Чекалина писал?

Виктор кивнул.

– Выздоровел пока... Я ему по факсу твое произведение сбросил... Ему вроде понравилось... Во всяком случае он был под впечатлением!

– Папа, папа, – донесся из комнаты голос девочки. – Он кушать хочет!

– Он у тебя что, говорящий? – усмехнулся, глядя на Виктора, Миша-непингвин.

Виктор достал из морозильника рыбину трески, положил в миску.

– Соня, скажи ему, что кушать подано! – шутливым голосом крикнул Виктор.

– Слышишь? – донесся из комнаты негромкий голос девочки. – Тебя кушать зовут!

Пингвин первый зашел в кухню, за ним следом – Соня. Она проводила его до миски и с интересом наблюдала, как Миша-пингвин кушал.

– А почему он один? – спросила вдруг Соня, подняв голову.

– Не знаю, – ответил Виктор. – Вообще-то он не один, мы с ним вдвоем тут живем...

– И мы с папой вдвоем живем... – сказала Соня.

– Болтушка! – выдохнул Миша-непингвин. Глотнул чаю. Снова посмотрел на дочь. – Собирайся, пора домой!

Понутив голову, Соня вышла из кухни.

– Надо будет ей щенка или кошку купить, – сказал, глядя ей вслед, Миша-непингвин.

– Приводи ее еще, пусть с пингвином играет! – предложил Виктор.

За окном все было залито тушью зимнего вечера. Едва слышимый голос радиоточки вещал о событиях в Чечне. Виктор сидел за кухонным столом перед

пишущей машинкой. Ему было одиноко, хотелось написать рассказ или сказку, хотя бы даже для Сони. Но в голове звучала грустная проникновенная мелодия еще ненаписанного «крестика».

«Уж не заболел ли я? – думал Виктор, глядя на чистый лист бумаги, торчащий из машинки. – Нет, надо заставить себя хоть иногда писать короткие рассказы, иначе я свихнусь...»

Вспомнилось смешное веснушчатое личико Сони, стянутый резинкой хвостик рыжих волос на макушке.

Странное время для детства, думал Виктор, странная страна, странная жизнь, в которой и разобраться не хочется, хочется просто выжить и все...

Глава 19

Несколько дней спустя Виктору позвонил главный и попросил быть осторожнее, в редакцию пока не приезжать и без надобности на улицу не выходить.

Озадаченный звонком Виктор все еще держал телефонную трубку у уха, хотя из нее уже с минуту неслись короткие гудки. «Что случилось?» – думал он, но при этом в его ушах все еще звучал голос главного, совершенно спокойный и самоуверенный, какой-то учительский голос. Виктор пожал плечами. Всерьез он этот звонок не принял, но утро само по себе растянулось на два лишних часа. И брился он долго, и с чего-то решил погладить рубашку, хотя надевать ее не собирался.

Вышел из дому около полудня. Купил свежие газеты, зашел в гастроном за рыбой для Миши. Себе там же купил колбасы и кило бананов.

Вернувшись, просмотрел газеты, но в них не было ответа на звонок главного. Зато в глаза бросилось несколько новых фамилий. Сходу достав общую тетрадь, Виктор переписал в нее фамилии для дальнейшей работы, но работать не хотелось. Состояние у него было расслабленное. Он сидел за кухонным столом, на котором лежал кулек с покупками. Виктор вытащил из кулька банан.

Открываясь, скрипнула дверь на кухню. Зашел пингвин Миша. Остановился перед хозяином. Посмотрел на него просяще.

– На! – Виктор сунул ему под нос начатый банан.

Пингвин подался вперед всем телом и отщипнул клювом кусок банана.

– Ты что, – удивился Виктор, – обезьяна? Смотри, отравишься, а где я тебе доктора найду? Тут на людей докторов не хватает! Давай я тебе лучше рыбы дам!

В тишине кухни слышалось причмокивание пингвина, разделявавшегося с рыбиной трески, и дыхание глубоко задумавшегося о чем-то Виктора. Наконец, тяжело вздохнув, он встал, включил радиоприемник. Из его динамика вырвалась милицейская сирена. «Радио-пьеса?» – подумал Виктор, но ошибся. Это был репортаж с «поля битвы». На этот раз «поле битвы» лежало почти в центре, на пересечении улиц Красноармейской и Саксаганского. Виктор сделал громче и прислушался. Вздволнованный голос рассказывал о пятнах крови на асфальте, о трех «скорых», приехавших через полчаса после вызова, о семи трупах и пяти раненых. По первым данным, среди убитых был обнаружен замминистра спорта депутат Стоянов. Услышав фамилию, Виктор автоматически раскрыл общую тетрадь и проверил записи. Свежепокойный Стоянов в этих записях присутствовал. Виктор кивнул сам себе и, оставив тетрадь открытой, снова прильнул к радиоприемнику. Но репортер продолжал перечислять уже сказанные им самим факты. Видно, больше он ничего не знал. Он пообещал вернуться в эфир с новыми данными через полчаса, и тут же его заменила женщина, приятным голосом заговорившая о прогнозе погоды на выходные.

«Завтра суббота», – подумал Виктор и оглянулся на пингвина.

Работая дома, он потерял ощущение разницы между рабочими и нерабочими днями недели. Хотелось – работал, не хотелось – не работал. Но все-таки чаще хотелось. Просто больше ему нечем было заниматься. Писать рассказы или начать настоящую повесть или даже роман у него не получалось. Он словно нашел свой жанр и так был зажат его рамками, что даже когда не писал «крестики», то думал о них или же думал мыслями, стройными и траурно ритмичными настолько, что хоть бери их и вставляй в любой некролог в качестве философского отступления. Иногда он так и делал.

Виктор позвонил участковому.

– Лейтенант Фишбейн слушает! – прозвучал из трубки четкий знакомый голос.

– Сергей? Привет. Это Витя.

– Витя? – переспросил участковый, по-видимому, не узнавая.

– Хозяин пингвина.

– А, так бы и сказал! – Сергей обрадовался. – Что слышно? Как там Миша?

– Нормально! Слушай, ты завтра выходной?

– Да, – ответил Сергей.

– У меня есть неплохая идея, поддержишь? – с надеждой спросил Виктор. – Только нужна машина, любой милицкий «газик» подойдет...

– Конечно, если это не уголовно наказуемое деяние... Только зачем тебе «газик», у меня «запорожец» есть, – сказал Сергей и рассмеялся.

Глава 20

Морозным субботним утром из остановившегося на набережной Днепра возле нижних Лаврских садов красного «запорожца» вышли Виктор, Сергей и пингвин Миша. Сергей вытащил из багажника плотно набитый рюкзак. Одел на спину. Они спустились по каменной лестнице к замерзшей реке.

Днепр был закатан толстым слоем льда. На нем неподвижными толстыми воронами сидели, выдерживая друг между другом «вежливую» дистанцию, любители подледного лова. Каждый у своей лунки.

Выбирая путь так, чтобы не беспокоить рыбаков, Виктор, Сергей и Миша отошли подальше от берега.

Они шли, останавливаясь возле каждой незанятой лунки, но эти лунки были или уже замерзшие, или слишком узкие.

– Пойдем в залив! – предложил Сергей. – Там где-то «моржи» собираются...

Они перешли Днепр, потом пересекли узкую полосу земли – «хвостик» острова.

– Вон, посмотри! – Сергей показал рукой вперед. – Синее пятно видишь?

Они подошли и не успели как следует осмотреть большущую прорубь, по краям которой виднелось множество следов голых пяток, как Миша рванул вперед и плавно, совершенно без брызг нырнул в воду.

Виктор и Сергей затаили дыхание, глядя на заколыхавшееся темное месиво воды и льда.

– Слушай, а они под водой видят? – спросил Сергей.

– Наверное... – ответил Виктор. – Если есть на что смотреть.

Сергей снял со спины рюкзак, вытащил оттуда старое ватное одеяло и расстелил его на льду метрах в двух от проруби.

– Садись! – позвал он Виктора. – У каждого – свой праздник.

Виктор присел. А Сергей уже достал из рюкзака кулек. Вытащил оттуда термос и две пластмассовые чашки.

– Начнем с кофе! – сказал он.

Кофе оказался сладковатым, но на морозе пился приятно, с удовольствием.

– А я ничего не сообразил взять, – с сожалением в голосе признался Виктор, грея ладони о чашку с недопитым кофе.

– Ничего, в другой раз ты возьмешь. Коньячку хочешь?

Добавив в кофе коньяка, Сергей сунул плоскую бутылочку в карман куртки.

– Ну, давай, – он поднял руку с чашкой. – За все хорошее!

Они выпили, и тепло проникло в их тела и мысли.

– Слушай, он там не утонет? – спросил Сергей, показывая взглядом на широкую прорубь.

– Не должен, – Виктор пожал плечами. – Я вообще-то ничего о пингвинах не знаю... Искал какие-нибудь книги, но не нашел...

– Если мне что-то попадется, я тебе дам! – пообещал Сергей.

Виктор начал волноваться. Он огляделся по сторонам – до ближайшего рыбака, а значит и до его лунки, было метров тридцать. Рыбак сидел на своем чемодане-ящике, и было видно, как время от времени он подносит ко рту походную литровую флягу.

– Я пойду пройдусь! – проговорил Виктор, все еще глядя на ближнего к ним рыбака.

– Не надо, посидим еще, – попросил Сергей. – Давай еще по коньячку. Приплывет Миша, куда он денется. Не утонет же он в самом деле!

В проруби что-то булькнуло, и Виктор сразу обернулся на звук. Месиво воды и льдинок колыхалось.

– Давай, за Мишу! – Сергей поднял чашку с коньяком. – Людей много, а пингвинов мало. Их надо беречь!

Они пригубили, и тут же тихий морозный воздух был потревожен криком. Сергей и Виктор обернулись на крик и увидели метрах в пятидесяти рыбака, отскочившего от своей лунки и показывавшего на нее обеими руками. К нему уже шли два других рыбака, оставив свои короткие удочки в лунках.

– Чего это он там? – сам себя спросил Сергей.

Виктор отвлекся от происходившего в пятидесяти метрах от них. Он медленно потягивал коньяк и думал о том, что каждый новый день приносит в жизнь что-то новое, но совершенно незапланированное. Когданибудь, думал он, новый день принесет какие-нибудь неприятности, а может, и смерть.

– Глянь! Глянь! – хлопнул его рукой по плечу Сергей.

Виктор словно очнулся, посмотрел на Сергея, потом, проследив за его взглядом, повернул голову и увидел приближающегося к ним пингвина Мишу. Он шел со стороны острова.

– Где это он вынырнул? – удивился вслух Сергей.

Пингвин подошел и остановился возле края расстеленного на льду одеяла.

– Может, и ему коньячка? – пошутил Сергей.

– Ну иди, иди сюда, Миша! – позвал Виктор, похлопывая ладонью по одеялу.

Миша неуклюже шагнул вперед, забрался на одеяло, посмотрел на Сергея, потом на хозяина.

Сергей снова полез в рюкзак и в этот раз достал оттуда полотенце. Укутал в него пингвина.

– Это чтобы не простудился! – объяснил он Виктору.

Пингвин постоял так, укутанный, минут пять, потом сбросил с себя полотенце.

Виктор услышал за спиной чьи-то шаги. Обернулся.

В нескольких шагах от них стоял рыбак, «хозяин» ближней лунки.

– Что? Клюет? – спросил его Сергей.

Тот отрицательно замотал головой, не сводя при этом глаз с пингвина.

– Послушайте, – наконец проговорил он. – Это у вас пингвин, или у меня уже крыша поехала?

– Крыша поехала, – совершенно искренним голосом сказал ему Сергей.

– О господи! – испуганно выдохнул рыбак.

Он как-то неуклюже взмахнул руками, развернулся и пошел обратно к своей лунке.

Виктор и Сергей проводили его взглядом.

– Может, пить меньше будет! – с надеждой в голосе произнес Сергей.

– Слушай, ты же не на работе! – укоризненно проговорил Виктор. – Чего ты пьяниц пугаешь!

– Профессиональный инстинкт, – с улыбкой на лице оправдался Сергей. – Кушать хочешь? Или еще разок по коньячку?

– По коньячку! – Виктор кивнул.

Пингвин вдруг стал нетерпеливо переступать с лапы на лапу и хлопать себя по бокам своими плавниками-недокрылками.

– Он что, в туалет хочет? – усмехнулся Сергей, откручивая винтовую пробку с коньячной бутылочки.

А Миша тем временем перебрался с одеяла на лед и, смешно семеня, разбежавшись, снова плюхнулся в прорубь.

Глава 21

Ночью с воскресенья на понедельник Виктора разбудил настойчивый телефонный звонок. Окончательно проснувшись, он все равно не хотел вставать, просто лежал и ждал, когда у звонившего кончится терпение, но оно не кончалось. Даже пингвин проснулся и что-то крякнул.

Виктор поднялся и нетвердыми шагами подошел к звонившему телефону.

«Что за идиотские шутки!» – думал он, поднимая трубку.

– Алло, Витя? – раздался нетерпеливый голос главного. – Извини, что разбудил! Срочная работа! Слышишь?

– Да.

– Сейчас к тебе приедет курьер с конвертом. Он будет ждать тебя в машине под парадным, а ты постарайся как можно быстрее сделать «крестик». Он должен пойти в утренний выпуск!

Виктор перевел глаза на будильник, стоявший на тумбочке. Полвторого.

– Хорошо, – сказал Виктор.

Он надел свой голубой махровый халат и пошел в ванную. Умылся холодной водой. Потом – в кухню. Поставил на плиту чайник, пишмашинку на кухонный стол. Вслушался в тишину ночного двора. Посмотрел на дом напротив – во всем доме горело только два окна.

Чужая бессонница не волновала Виктора. Он уже пришел в себя, только в голове ощущалась какая-то тяжесть.

Достал лист бумаги, вставил в машинку и снова прислушался к тишине ночной улицы.

Из тишины родился звук подъехавшей к парадному машины. Хлопнула дверца.

Виктор сидел и терпеливо ждал звонка в дверь. Но вместо звонка через минуту он услышал осторожный стук.

Мужчина лет пятидесяти с заспанным лицом и красными глазами протянул ему большой коричневый конверт.

– Я буду внизу, в машине. Если засну – постучите в дверцу, – сказал он, не заходя в коридор.

Виктор кивнул.

Уже усевшись перед машинкой, раскрыл конверт, вытащил лист бумаги и театральную программку.

«Пархоменко Юлия Андреевна, 1955 года рождения, с 1988 – солистка Национальной оперы. Замужем, двое детей, – читал Виктор отпечатанный на машинке текст, – в 1991 г. перенесла операцию на груди. В 1993-м в качестве свидетеля привлекалась к суду по делу об исчезновении артистки Национальной оперы Санученко Ирины Федоровны, с которой состояла в открыто враждебных отношениях. В 1995 году отказалась от участия в гастрольной поездке в Италию, чем чуть не сорвала запланированные гастроли».

Дальше было добавлено от руки: «Тяжело перенесла гибель своего ближайшего друга писателя и депутата парламента Николая Александровича Бессмертного, с которым познакомилась во время своего выступления на закрытом праздновании депутатами Дня независимости Украины в Мариинском дворце в 1994 году». Эти строчки были подчеркнуты красным карандашом, и Виктор тут же вспомнил о своем последнем разговоре с Игорем Львовичем.

Он несколько раз прочитал подчеркнутые строчки. Информации было маловато, но ритм мыслей уже настроился на печаль будущего текста.

Виктор просмотрел программку, на второй странице увидел цветное фото солистки. Красивая стройная женщина с ярким, должно быть, искусственным румянцем на щеках. Миндалевидный разрез глаз, каштановые волосы, ровной волной сбегавшие с плеч. Театральное платье очень шло ей.

Виктор снова сосредоточился на чистом листе бумаги, вставленном в машинку.

«У арабов белый цвет считается траурным», – подумал он, опуская руки на клавиатуру.

«У всего живого на земле есть свой голос. Голос – это признак жизни, признак счастья или горя. Он может усиливаться, обрываться, срываться, переходить в едва слышимый шепот. В хоре нашей жизни трудно выделить отдельные голоса, но, когда они вдруг замолкают, возникает ощущение конечности любого звука, любой жизни. Голос, который нам больше не дано услышать, был любим многими... Он оборвался неожиданно и преждевременно. В мире стало намного тише, но это не та тишина, которую ищут любители покоя. Эта возникшая тишина, как черная дыра во вселенной, лишь подчеркивает конечность любого звука и бесконечность прошлых и будущих потерь...»

Виктор поднялся, заварил себе чая и с полной чашкой вернулся за стол.

«...Голос Юлии Пархоменко затих. Но пока стоят стены Мариинского дворца, пока позолота внутреннего купола отражает величие Национальной оперы, она останется среди нас, растворившись золотой пылью в воздухе, которым мы дышим. Ее голос станет позолотой тишины, которую оставила она после себя».

«Многовато золота», – подумал Виктор, остановившись. Снова взял листок с текстом, пробежал уже в который раз глазами подчеркнутые рукописные строчки.

«Как же сюда вставить этого Бессмертного? – думал он. – Любовь? Любовь...»

Он задумался, глотнул чая. Прочел уже написанный текст. Продолжил.

«Недавно сама Юлия пережила тяжелую потерю. Пропал голос ее любимого человека. Замолчал внезапно, сорвавшись криком вниз, в бездну, куда по закону

притяжения смерти падает все, отжив, отборовшись или же просто проиграв...»

Тут Виктор снова отвлекся и взял в руки программку, просмотрел ее внимательнее и едва заметно улыбнулся.

«Совсем недавно, исполняя партию Тоски в опере Пуччини, она сама сыграла, пропела всю свою трагедию, всю до последнего ее прыжка со стен крепости. Неважно, как она умерла. Пусть она умерла по-другому, но нам, тем, кому ее жизнь была слышна, теперь предстоит нелегкая задача – привыкать к тишине и выискивать в этой тишине золотые пылинки ее прошлого присутствия. Давайте же помолчим все вместе, чтобы легче было нам услышать посреди наступившей тишины ее голос, услышать, запомнить и сохранить в нашей памяти надолго, до тех пор, пока наши голоса не смешаются с тишиной и вечностью...»

Виктор выпрямил спину, отдышался, словно только что пробежал стометровку, а не отстукивал буквы и слова на пишмашинке. Потер пальцами виски, прогоняя напряжение, в которое его ввергло это срочное ночное задание.

Он взял в руки готовый текст. Прочел, и самому стало жаль неизвестно как погибшую или умершую оперную певицу.

Выглянул в окно – внизу стояла машина, ждала.

Виктор поднялся, повернулся и замер от неожиданности – из дверного проема на него внимательно смотрел пингвин. Он стоял неподвижно, и только глазки его горели живым огнем, но не выдавали они никаких его желаний. Он просто следил за хозяином. Беспристрастно и беспричинно.

Виктор, тяжело вздохнув, протиснулся между пингвином и дверью в коридор, набросил поверх халата дубленку и, сжимая в руке текст, вышел на лестничную площадку.

Курьер спал, опустив голову на руль. Виктор постучал по стеклу дверцы. Мужчина протер глаза. Ни слова не говоря, он открыл дверцу, взял из рук Виктора листок с текстом и, заведя машину, уехал.

Виктор вернулся к себе. Ночь была разбита. Спать не хотелось, в теле рождалась ненужная болезненная бодрость.

Виктор нашел в аптечке снотворное, проглотил две таблетки, запил еще теплой водой из чайника и пошел в спальню.

Глава 22

На следующее утро в десять часов снова позвонил главный. «Крестиком» он был доволен. Извинился еще раз за то, что нарушил ночной сон. Сказал, что через пару дней уже можно будет заходить в редакцию, но главное при этом – не забывать дома корреспондентскую «корочку», так как теперь на всех этажах и на входе дежурит ОМОН.

На улице продолжалась хрустящая морозом зима. Было довольно тихо.

Стоя с джезвой у плиты, Виктор размышлял: чем бы заполнить новый день? С одной стороны, учитывая рабочую ночь, он мог бы вполне устроить себе выходной. Но выходной еще больше нуждался в заполнении чем-то интересным, чем день обычный. И поэтому Виктор решил после кофе сходить к киоску за газетами, а уже после этого решить, что делать дальше.

Вторую чашечку кофе он пил уже с газетами под рукой. Первым делом прочитал свой ночной труд, напечатанный полумиллионным тиражом на предпоследней странице газеты. Все слова были на месте, редактор к тексту не притрагивался. Хотя тут Виктор сообразил, что редактор скорее всего ночью спал, в то время как текст «садили» на страницу перед тем, как заработал печатный станок. Вернувшись к первой странице своей газеты, Виктор прочитал длинную, во всю полосу передовицу: «Война не кончилась, наступило перемирие». Вперемешку с фотографиями, напоминавшими фотографии времен штурма Грозного, на странице по-военному выстроились колонки текста. Виктор машинально втянулся в чтение статьи. Чем больше он читал, тем больше она его затягивала. Оказалось, пока Виктор жил нормальной жизнью в Киеве, шли почти настоящие бои – разборки «двух мафиозных кланов». По крайней мере, именно так утверждалось в статье. Семнадцать убитых, девять раненых, пять взрывов. Среди погибших – шофер главного редактора, три милиционера, какой-то

арабский бизнесмен, несколько человек, личность которых не удалось установить, и солистка Национальной оперы.

Просмотрев другие газеты, Виктор заметил, что «войне» там было уделено намного меньше внимания, чем в «Столичных вестях». Зато чуть больше было написано о гибели солистки Оперы. Ее тело было найдено рано утром на нижней станции фуникулера. Она была задушена кожаным ремнем. Кроме того, пропал ее муж – архитектор, а их квартира была перевернута вверх дном – в ней явно что-то искали.

Виктор задумался. Смерть солистки, похоже, не имела ничего общего с войной кланов. Это было совершенно «постороннее» преступление. «Может, к этому приложил руку ее исчезнувший муж? – подумал Виктор. – А, может, я и сам приложил к этому руку? – собственная мысль внезапно испугала его. – Ведь в некрологе на Бессмертного я написал о ней. Конечно, без фамилии, не раскрывая, но наверняка все это было для многих слишком прозрачным намеком... И, может, для мужа это стало последней каплей?..»

Виктор тяжело вздохнул, мгновенно почувствовав себя страшно утомленным собственными предположениями.

– Чушь! – прошептал он сам себе. – С чего мужу устраивать обыск в собственной квартире?..

Глава 23

День был закончен, как ни странно, довольно продуктивно. На столе лежали три готовых «крестика». За окном темнел зимний вечер. Над чашкой свежесваренного чая поднимался пар.

Виктор пробежал глазами строчки новых текстов. «Крестики» были коротковаты, но все потому, что он давно не был в редакции и не брал у Федора дополнительной информации на своих героев. Но в этом проблемы не было. Пока не напечатан текст, с ним можно работать, к нему можно возвращаться.

Выпив чаю, он выключил свет в кухне и собирался было идти ложиться спать, как вдруг услышал стук в дверь.

На мгновение замер в коридоре, прислушиваясь к тишине. Потом, оставив тапки там, где стоял, босиком подошел к двери и заглянул в глазок. Перед дверью стоял Миша-непингвин.

Виктор открыл.

У Миши на руках спала Соня. Он зашел молча. Только кивнул вместо «здрaсте».

– Где ее можно положить? – спросил Миша, глядя на дочку.

– Там, – прошептал Виктор, кивком головы указав на дверь в гостиную.

В гостиной Миша опустил Соню на диван и, стараясь ступать как можно тише, вернулся в коридор.

– Пойдем на кухню! – сказал он Виктору.

На кухне снова зажегся свет.

– Поставь чайник! – попросил гость.

– Недавно кипел.

– Я у тебя до утра посижу, – сказал Миша как-то заторможенно. – А Соня пусть пока здесь поживет... Хорошо? Пока все не уладится...

– Что не уладится? – спросил Виктор.

Но ответа не получил. Они сидели друг напротив друга за кухонным столом, только Миша сейчас сидел на обычном месте хозяина, а Виктор – спиной к плите. Виктору на мгновение показалось, что в глазах у Миши промелькнула неприязнь.

– Может, коньяка? – предложил Виктор, желая снять напряжение, словно тучей нависшее над ними.

– Давай, – проговорил гость.

Выпили молча.

Миша в задумчивости постучал пальцами по столу. Осмотрелся и, увидев возле себя на подоконнике пачку свежих газет, потянул их к себе. Взял верхнюю, губы его скривились. Он отодвинул газеты обратно на подоконник.

– Жизнь – забавная штука, – сказал он и вздохнул. – Хочешь сделать человеку приятное, а в результате приходится делать вид, что ты – подводная лодка...

Виктор внимательно вслушивался в каждое слово гостя, но смысл сказанного был неуловим, как летящая по ветру паутинка.

– Налей еще, – попросил Миша.

Выпив вторую рюмку, он вышел в коридор, оттуда заглянул в комнату, где на диване мирно спала Соня. Снова вернулся на кухню.

– Ты, наверное, хочешь знать, что случилось? – медленно, уже более расслабленным голосом спросил Миша.

Виктор промолчал. Ему уже ничего не хотелось узнать – он хотел спать, и странность поведения Миши-непингвина начинала его утомлять.

– Ну ты-то уже знаешь о стрельбе и взрывах? – спросил Миша, кивнув в сторону газет.

– Ну?

– А знаешь, кто во всем этом виноват?

– Кто?

Усталая и недобрая улыбка Миши затянула паузу.

– Ты... – сказал он Виктору.

– Я? Как это – я?

– Ну не совсем ты, конечно... Но без тебя этого бы не произошло. – Миша смотрел, не моргая, на Виктора, но Виктору казалось, что он смотрит куда-то дальше, сквозь него. – Просто тебе было хреново, я это видел. Я у тебя спросил – почему? Ты сказал. Мы были откровенны, мне именно эта детская откровенность в тебе и нравится... Ты хотел, чтобы твои «штучки» в траурных рамках печатались. Это понятно. Я у тебя и спросил тогда, кто твой любимый будущий покойник... Просто хотелось сделать тебе приятное... Налей еще.

Виктор поднялся, налил коньяка Мише и себе. Посмотрел на свои руки. Заметил, что они дрожат.

– Ты хочешь сказать... – оторопело проговорил Виктор. – Что Бессмертного... ты?

– Не я, а мы, – поправил его Миша, – но ты не беспокойся, он этого больше чем заслуживал... Другое дело, что с его смертью «осиротело» несколько любителей приватизации, у которых он уже взял авансы... Кроме того, у него хранились какие-то бумажки, которыми он продлевал себе жизнь, бумажки, касающиеся его коллег по парламенту... У них там, наверху, тяжелая жизнь... Как на войне...

Наступившая затем пауза затянулась. Миша смотрел в окно. Виктор лихорадочно обдумывал только что услышанное.

– Послушай, – наконец заговорил он, – а в смерти его любовницы я тоже... замешан?

– Ты не понял, – спокойным учительским голосом проговорил Миша. – Мы с тобой вытащили нижнюю карту из-под карточного домика, и все, что произошло потом, – это просто полный обвал. Теперь надо переждать, пока уляжется пыль...

– Мне тоже? – не без испуга в голосе спросил Виктор.

Миша пожал плечами.

– Это дело индивидуальное, – сказал он, сам себе наполняя рюмку. – Но тебе, наверное, не стоит переживать. Кажется, ты под хорошей защитой... Поэтому я к тебе и пришел...

– Под чьей?

Миша развел руками.

– Я же не сказал, что точно знаю. Просто чувствую. Не было б защиты – и тебя бы уже не было...

Миша задумался.

– Я тебя могу попросить об одолжении? – через минуту спросил он.

Виктор кивнул.

– Иди-ка ты спать, а я еще здесь посижу... Подумаю...

Виктор пошел в спальню. Лег. Спать не хотелось. Он прислушивался к тишине квартиры, но ничто ее не нарушало. Казалось, что все крепко спят. Вдруг из гостиной донесся невнятный детский голос. Виктор прислушался. «Мама... мама...» – бормотала во сне Соня.

«А где же ее мама, действительно?» – подумал Виктор.

В конце концов он заснул.

Через некоторое время из-за темно-зеленого дивана выбрался пингвин и лениво пошел к приоткрытой двери, ведущей в гостиную. Проходя через гостиную, остановился на минуту возле спящей девочки, посмотрел на нее внимательно. Потом продолжил путь. Вышел в коридор. Толкнул следующую дверь и шагнул в кухню.

Перед ним на месте хозяина сидел, опустив голову на стол, незнакомый ему человек. Он спал.

Несколько минут пингвин смотрел на него, неподвижно стоя у двери. Потом повернулся и пошел обратно.

Глава 24

Часы на тумбочке показывали семь. На улице было еще темно и тихо. Головная боль разбудила Виктора, и он лежал на спине, глядя в потолок и думая о вчерашнем разговоре с Мишей. Сейчас, несмотря на головную боль, у него появилось несколько вопросов к вечернему гостю.

Виктор медленно, стараясь не шуметь, встал. Надел халат и прошел в гостиную.

Соня еще спала. Она была заботливо укутана в серое осеннее пальто Виктора, до того висевшее на вешалке в прихожей.

Собравшись с духом, Виктор вышел в коридор и остановился перед открытой дверью на кухню.

В кухне никого не было. На столе лежала записка.

«Мне пора уходить. Оставляю Соню у тебя – отвечаешь головой. Когда пыль уляжется – появлюсь. Миша». Записка застала его врасплох, и теперь он сидел за столом, уткнув взгляд в две рукописные строчки, и пытался выгнать из головы так и не заданные Мише вопросы.

За окном серело – блеклый зимний рассвет пытался победить ночь.

В гостиной скрипнул диван, и этот звук отвлек Виктора от мыслей. Он обернулся, встал из-за стола. Заглянул в гостиную.

Соня сидела на диване, терла глаза. Наконец она отняла от лица ручки и, увидев Виктора, спросила:

– А папа где?

– Он ушел, – ответил Виктор, глядя на девочку. – Он сказал, что ты пока здесь поживешь...

– С пингином? – обрадовалась Соня.

– Да, – довольно холодно сказал Виктор.

– У нас вчера окна разбились, – сказала Соня. – И стало очень холодно.

– У вас дома? – спросил Виктор.

– Да, – доверительно произнесла девочка. – Так громко разбились... Ба-бах!

– Кушать хочешь? – спросил Виктор.

– Да, только не кашу!

– А у меня нет никакой каши, – признался хозяин. – Я сам мало ем.

– Я тоже, – улыбнулась Соня. – А куда мы сегодня пойдем?

– Пойдем?! – повторил Виктор и задумался. – Я не знаю... А куда ты хочешь?

– В зоопарк, – призналась Соня.

– Хорошо, – согласился Виктор. – Только я сначала поработаю пару часов, а потом пойдем...

На обед Виктор дал пингвину рыбу, а себе и Соне поджарил картошку.

– Я завтра куплю побольше еды! – пообещал Виктор Соне.

– А я больше не съем, – сказала девочка, придвигая к себе большую тарелку.

Виктор усмехнулся. Первый раз жизнь столкнула его с чужим детством, и он присматривался к этому детству с осторожностью и любопытством, словно еще сам был ребенком. Непосредственность Сони, ее ответы не то чтобы невпопад, но как-то по касательной, заставляли Виктора улыбаться. Он жевал и искоса следил за девочкой, которая ела картошку скорее с интересом, чем с аппетитом, разглядывая внимательно каждый наколотый на вилку кусочек. Она сидела напротив, а между ее спиной и плитой возился возле своей миски пингвин Миша.

В какой-то момент Соня повернулась и перенесла вилкой кусочек поджаренной картошки в миску пингвину. Пингвин удивленно посмотрел на девочку и смешно склонил голову набок. Соня рассмеялась. Миша, постояв со склоненной набок головой, снова повернулся к миске и съел положенный туда кусочек картошки.

– Ему нравится! – обрадовалась Соня.

Допив чай, они поехали в зоопарк.

На улице шел мелкий снег, было ветрено, и ветер все время дул в лицо. Когда они вышли из метро, Виктор укутал Соню шарфиком по самые глазки.

За воротами зоопарка висело объявление о том, что в связи с зимними условиями посетители могут увидеть только малую часть обитателей зоопарка.

В зоопарке было малоллюдно. Выбрав указатель «тигры», Виктор повел Соню по заснеженной дорожке. Прошли мимо вольера, на котором висел большой щит с нарисованной зеброй, а рядом трафаретными буквами было дано описание животного и его привычек.

– А где звери? – спросила, оглядываясь, Соня.

– Дальше, – ответил Виктор и улыбнулся девочке.

Они прошли мимо еще нескольких пустых вольеров со щитами, изображавшими их недавних обитателей. Впереди показался закрытый павильон.

Там, в клетках, за толстой железной решеткой сидели два тигра, лев, волк и еще какие-то хищники. Напротив входа висело объявление: «Животных разрешается кормить только свежим мясом и хлебом». Ни того, ни другого у Виктора и Сони с собой не было.

Они прошли вдоль клеток, останавливаясь ненадолго у каждой.

– А где здесь пингвины? – спросила Соня.

– Наверное, здесь их нет, – проговорил Виктор. – Хотя, давай поищем, а вдруг найдем!

Он попытался вспомнить, где он видел Мишу перед тем, как забрать его из зоопарка. Кажется, это было чуть дальше, за террариумом и цементной берлогой бурых медведей.

Они прошли дальше и увидели за решеткой пустой глубокий вольер с замерзшим озером посередине. На щите, висевшем на решетке вольера, были нарисованы пингвины.

– Ну вот видишь, их тут нет, – сказал Виктор.

– Жалко! – Соня тяжело вздохнула. – Можно было бы привести сюда Мишу, чтобы он с другими пингвинами дружил...

– Но видишь, других пингвинов нету! – повторил, наклонившись, Виктор.

– А кто здесь еще живет? – спросила Соня.

Они гуляли еще целый час. Посмотрели на рыб и змей, на двух облезлых коршунов и одинокую длинношею ламу. Уже по дороге к выходу Виктор вдруг увидел указатель: «Научно-консультационный центр».

– Соня, давай туда зайдем на минутку, – попросил он. – Может, там нам про пингвинов расскажут?

– Давай! – согласилась Соня.

В одноэтажном домике они постучали в единственную дверь. Зашли.

– Извините, – обратился Виктор к сидевшей за столом седой, но не старой женщине, читавшей какой-то журнал.

– Да? – она оторвала взгляд от журнала. – Вы ко мне?

– Понимаете, – заговорил Виктор. – Чуть больше года назад я взял у вас в зоопарке пингвина... У вас, случайно, нет никакой литературы о пингвинах?

– Нет. Пингвинами у нас занимался Пидпалый. Когда их роздали – его уволили, и он всю литературу унес с собой. Вредный был старик...

– Пидпалый? – повторил Виктор. – А как его найти?

– Спросите в отделе кадров! – сказала женщина и пожала плечами.

– Кстати, вам змеи не нужны? – спросила она, с интересом рассматривая Соню. – Мы с января ликвидируем террариум...

– Нет, спасибо. А где находится отдел кадров?

– Слева от центрального входа, за туалетами.

Попросив Соню подождать у выхода, Виктор зашел в отдел кадров и упросил их дать ему адрес Пидпалого. Свернув вдвое листок с записанным адресом и спрятав его в бумажник, Виктор взял Соню за ручку и направился с ней к метро.

Следующим утром Виктор решил съездить к главному. Во-первых – давно уже собирался отвезти новые тексты, а во-вторых – хотелось покаяться, даже не то, чтобы покаяться, а просто объяснить главному, что и почему произошло с Бессмертным.

– Ты умеешь одна дома сидеть? – спросил он Соню после завтрака.

– Да, меня папа учил, – сказала она. – Дверь никому не открывать и по телефону ничего не говорить. К окнам не подходить. Правильно?

– Правильно, – сказал Виктор и вздохнул. – Но к окнам сегодня можешь подходить.

– Да? – обрадовалась Соня и тут же подбежала к балконной двери, прильнула носом к стеклу.

– Ну, что там видишь?

– Зиму!

– Я скоро приду, – пообещал Виктор.

Три раза ему пришлось показать свою «корочку», прежде чем попал он в кабинет к главному.

– Как жизнь? – спросил Игорь Львович.

– Ничего, – не совсем уверенно произнес Виктор. – Вот, новые «крестики» принес...

– Давай, – протянул руку главный. – А это тебе от Федора, – он протянул ему плотную папку.

– Игорь, – набравшись решимости, заговорил Виктор. – У меня... В общем... Оказывается, я виноват в смерти Бессмертного...

– Да ну! – ухмыльнулся главный. – Ты что же, думаешь, что ты такой крутой?

Виктор посмотрел с недоумением на шефа.

– Не переживай, я все знаю, – сказал тот уже более дружелюбно.

– Все?

– Нет, не все. Гораздо больше. Ну, а Бессмертный все равно туда собирался... Так что не беспокойся! Конечно, было бы лучше, если б ты только своим делом занимался.

Виктор ошарашенно смотрел на главного, он был совершенно смущен словами шефа, что-то мешало ему их понять.

– Так что, ничего страшного нет? – проговорил он наконец.

– В чем? В том, что одним кланом с выходом на правительство стало меньше? Успокойся. Ты здесь ни при чем, а если при чем, то только левым боком. Давай лучше кофейку выпьем!

Главный по телефону заказал у секретарши два кофе. Потом, пожевав губами в задумчивости, снова пристально посмотрел на Виктора.

– У тебя же ни жены, ни подруги нет? – спросил он.

– Нет, сейчас нет...

– Это плохо, – полушутливо покачал головой главный. – Женщины укрепляют нервную систему мужчин. Тебе самое время заняться своими нервами!.. Да ладно, шучу.

Секретарша принесла кофе.

Виктор положил пол-ложечки сахара, но кофе все равно был слишком крепким и горчил на языке. Горечь кофе опять напомнила о недавней поездке в Харьков.

– А в Одессу мне надо будет ехать? – спросил вдруг Виктор, вспомнив о разговоре с главным до Харькова.

– Нет, не надо, – ответил шеф. – Кто-то очень не хочет, чтобы мы занимались провинцией... Но у нас и тут дел хватит. Так что не переживай! У меня вон шофера недавно убили – и то я спокоен, как танк. Видишь? Жизнь не такая штука, чтобы за нее бояться. Поверь мне.

Виктор посмотрел на главного удивленно. Игорь Львович сидел в своем директорском кресле – роскошный костюм, французский галстук, тяжелая золотая заколка на нем. «Это он не дорожит жизнью?» – засомневался Виктор.

– Нам надо будет с тобой перед Новым годом посидеть за бутылочкой, а? Не против? – спросил он.

– С удовольствием, – ответил Виктор.

– Добро, – главный встал из-за стола. – Жди приглашения!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kurkov_andrey/piknik-na-l-du

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)